

27 МАР 1960

ШЕШТАДЕСЯТ
СОВРЕМЕННОКОВ

Театр «Современник», выступающий сейчас в Ленинграде, существует с недавних пор. Ему всего около пяти лет, если даже учесть его, так сказать, прелюдию, связанную со «Студией молодых актеров». В студии собрались вокруг молодого режиссера О. Ефремова актеры разных московских театров и репетировали в свое свободное время, по ночам, первый спектакль — «Вечно живые». Спектакль вышел, вызвал разговоры, объявлялись горячие его сторонники: ведь рождался в полном смысле слова новый театр — много ли было подобных случаев за последнюю четверть века? Молодые актеры меньше всего хотели поражать зрителей уловками сценического хитроумия, они мечтали о театре острого ума и большого сердца.

Новый театр не рождается сразу, это процесс, требующий таланта, ума, воли. «Современник» рос не в теплице. У театра до сих пор нет постоянного помещения, на его долю выпадают придрки, некоторые спектакли увидели, не дойдя до зрителей, ушло несколько актеров, не выдержав выпавшей им беспокойной жизни. «Современник» прямо шел и идет к своей цели. Сознание большой цели рождает большую энергию.

В Ленинград театр привез два спектакля о современности — «Два цвета» и «Продолжение легенды», поставленные О. Ефремовым вместе с В. Сергачевым и М. Микаэляем. Театр воюет в них против «гражданского дезертизма»; он утверждает, что высокая и общественно значительная жизнь должна жить каждый, что все люди в ответе за историю, за настоящее и будущее.

Люди в спектаклях театра окружены как будто особым воздухом — таким, какой бывает хорошим весенним утром. Человек просыпая тревожным сном ночь, что-то жгло ему мозг, что-то стесняло его и давило, но вот утро, человек проснулся и вдруг понял все то, что казалось невнятным и тяжелым, разобрался в своих надеждах и обнял и вышел в путь на рассвете, всей душой радуясь первым лучам солнца и готовясь к большим дневным делам.

По точности и точности сценического провидения внутри человека «Современник» беспорочно в авангарде нашего театрального искусства. Как верно схвачена здесь расступающаяся спаянность людей — в самом стиле игры, в решении сцен. А зритель сценических реакций, а особые, новые для сцены и в то же время также знакомые, родные ритмы ритмов нашей жизни, наших сердец? Конечно, все это про нас: человек середины XX века страшно много знает и умеет. Он откликается на тысячи вещей. Он должен помнить и думать об очень многом сразу.

Нет никакой возможности в одной статье рассказать о «Современнике» все, что хотелось бы. И все-таки главное: театр говорит о красоте и силе сегодняшней, нынешней, нашей с вами жизни. Преданный самой жизни, «Современник» не боится вести речь ни о каких-то сложностях. В спектакле «Два цвета» Дуся Му-

но театр сообщает об этом не с многозначительной миной и злобешеными паузами. Нам как будто говорят: ну и хорошо, что сложн, давайте разбираться в сложной! «Современник» — это люди, всего их шестидесят, если считать не только основной актерский состав, а всех, кто участвует в общем труде коллектива.

В спектаклях есть заметные актерские победы. Если отбирать по самому высокому, сверхстрогому счету, это, видимо, будут в видении мною спектаклях работы О. Ефремова: де Преторе Вяиченно («Никто») и Ильин («Пять вечеров»), сыгранные И. Квашой Шура Горез («Два цвета»), Сая («Продолжение легенды») и первый министр («Голый король»), все роля Г. Волчек, все роли современного репертуара у Е. Евстигнеева, Леночка («В поисках радости») и Нинуча («Никто») у Л. Толмачевой, Олег («В поисках радости») и Толя («Продолжение легенды») у О. Табакова. Но твердо провести черту между этими работами и другими трудно, актерских достижений в спектаклях много.

Идешь по Невскому, в окне Центральной театральной кассы видишь шит: «В. Заманский в роли миллионера Воробьева в спектакле «Два цвета». Почему, думаешь, миллионер, а не другие герои, основные? Но на следующий день идешь мимо, уже посмотрел «Два цвета», улыбаешься знакомому: да, конечно, правильно, ведь играет-то Заманский Воробьева превосходно.

Говоря о «Современнике», не хочется скупиться на добрые слова, помня большую радость, доставленную театром. Но театр живет, за сегодняшний день идет завтрашний. Какой он будет? Что принесет? Особую пищу для таких раздумий дает новый спектакль театра «Голый король» (режиссер М. Микаэляем). Мы, ленинградцы, оказались первыми его зрителями, а следовательно, и первыми ценителями.

Новый спектакль, в общем для зрителей праздничный, его можно смотреть и два, и три, и, наверное, еще больше с одинаковой радостью и восторгом. Есть в нем отличные, есть просто хорошие, живые, остротные актерские работы. Повествование сказочным изяществом и шедевром вымысла оформил спектакль, одел его героев В. Доррер. Но театр впервые в этом спектакле решает совершенно новую для себя театральскую задачу, диктуемую заостренной, полуфантастической фор-

мой драматургии. Очевидно, оттого-то движение к цели здесь подчас интереснее, чем окончательный результат, о котором хотелось бы прилично размышлять вместе с театром.

Пьесы Евгения Шварца и «Голый король» в частности, говорят о вещах очень простых, очень важных, захваченных в их многосторонности и жизненной остроте. Причесте в «Голом короле» несвойственно красиво страдать и лирически томиться, больше того — она, случается, бранится, как лозозник. Но за этим нельзя не открыть не то чтобы милое, искреннее чувство (как это делает Н. Дорошина), а огромное, святое. Лирика у Шварца очень напряженная и современная, в чувствах есть тревожность, широкость, противоречия, но главное в них — сила. Любовь, верность, честь — мощные основы бытия, и Шварц провозглашает их сразу и бесхитростно и мудро. Вся эта сторона в спектакле «Современника» по-настоящему еще не освоена.

Ироничность здесь понята прямолинейно, порой прямолинейно, хоть и не без остроумия, раскрываются персонажи сказки. Между тем в тексте пьес Шварца фиксированы тончайшие колебания сердечных и мозговых воли. Современный драматург как бы улавливая ультрачувства и ультрамысли, подобно тому, как современная физика обнаруживает ультразвук. Поражающая тонкость глубоко человеческого анализа должна стоять за остроумной речью и веселыми выходками персонажей. Перед режиссером и актерами здесь целое море, открытое для смелого плаванья в поисках тончайших средств анализа и выражения.

О. Козаков забываем в далеком не самой емкой роли камергера, потому что дикое и смешное сочетается здесь с изяществом и какой-то ядрю шемшей нетопотью и токсичностью этого человека-собака. Юный И. Кваша исполняет роль первого министра с таким богатством красок, что его работа заслуживает большой специальной статьи. Есть любопытные ходы у В. Сергачева (министр нежных чувств), В. Паулуса (король-отец) и некоторых других, но все это до конца еще не слилось, не связалось воедино.

Е. Евстигнеев очень талантливо, власть его над залом сильна, но вот герой его — «голый король» — не крупный, не веский. А когда Шварц писал его, он собрал все, что нам, советским людям, враждебно и отвратительно. В искяхе короля дол-

жно быть нечто от самых мезких фигур нынешнего века, а победа над ним — не традиционная для сказки победа, а асем нам близкая, принципиальная. Король несчастен в «Современнике» неточно, неясно. Речь не о том, чтобы

сделать его прямолинейной карикатурой на фашистского диктатора, а об активности, ответственности, определенной направленности сценического характера. Конечно, спектакль «Голый король» должен быть смешным, он даже может быть еще более смешным и озорным. Но очень смешные мелочи должны же вдруг хоть на миг обернуться для зрителей и страшной властью пошлости, глупости, лжи, тогда значительное окажется победа светлой мысли народа, истинных основ его бытия в финале спектакля. Соображения, высказанные здесь по поводу «Голого короля», можно адресовать только театру, который должен быть смешным, в который абсолютно верши и жельшь от него нового слова по многим художественным проблемам — в интересах всего нашего театрального искусства.

Восхождение не окончено, оно продолжается. И театру, что может, пора отчасти прокорректировать свои репертуарные позиции. «Современник» иной раз подает как театр, работающий исключительно над современными советскими пьесами. Задана благородная, но, не вполне реальная. Хороших новых пьес о современности позалается не так уж много, далеко не все достаются «Современнику». Так не вернее ли, чем ставить, скажем, «Взломщиков тишины» О. Счакова, пьесу, при всех добрых замыслах автора, страдающую утомительной, наисадной, показной интеллигентностью и патристичным «драматизмом», не лучше ли дать свое, современное, точное, не шельсаров отечественной драматургии прошлого и обратиться к лучшим иностранным пьесам?

Оставаясь лабораторией современной советской драматургии по преимуществу, «Современник» должен формировать репертуар шире, расчитывая на безостановочный ход вперед.

Спектакли театра «Современник» составляют в эти дни ленинградцам большую, не часто испытываемую радость. Мы уже не сможем быть равнодушными к каждому его новому шагу в искусстве.

Е. КАЛМАНОВСКИЙ